

Глава 24. Маленький мальчик

В густом лесу, в тридцати ли от Города Рассвета, медленно разгорались редкие костры.

Уцелевшие жители, спасшиеся от нападения армии эйнхериев злого бога, под предводительством паладина Уильяма спешно разбили здесь временный лагерь.

В одном из его уголков, перед роскошным шатром из чёрной ткани с золотым шитьём, стояли двое юношей.

Один из них держал за шиворот оборванную девчонку, в то время как другой ребёнок, стоя на коленях, с отчаянием и мольбой смотрел на второго, благородного мужчину в чёрно-красном дорожном костюме.

— Мартин?! Что ты делаешь? А ну, встань!

Бобби, болтавшаяся в воздухе в хватке Мала, широко распахнула оранжево-красные глаза, в которых мелькнули тревога, стыд и едва уловимая тень вины.

Она отчаянно дрыгала руками и ногами, пытаясь вырваться.

Однако Мал был не просто худым аптекарем, а скрытым атлетом. Он был намного сильнее её, и вырваться из его хватки было невозможно.

Мальчик на коленях, Мартин, сложил руки в умоляющем жесте. Его влажные глаза, словно у испуганного оленёнка, с благоговением и унижением смотрели на Рэйки.

— Добрые господа, прошу, простите Бобби! — тихо взмолился он. — Она... она просто хотела найти что-нибудь поесть. Мы уже неделю толком не ели. Сам побег из Города Рассвета отнял у нас все силы, особенно у меня... я умираю с голоду...

Только сейчас Рэйки заметил, что лицо Мартина было неестественно бледным, с синеватым оттенком, а голос становился всё тоньше, словно он вот-вот упадёт в обморок.

Лицо Рэйки омрачилось не только из-за жалкого вида Мартина, но и потому что...

Мартин до боли напоминал ему Мальбаша в юности.

В те времена он постоянно попадал в неприятности, а Мальбашу приходилось повсюду его разыскивать, а затем униженно извиняться за него перед обиженными.

Иногда, чтобы искупить его вину, он даже оставался работать на них, молча снося побои и ругань, никогда не жалуясь, просто принимая всё как должное.

Поэтому он всегда боялся, что Мальбаш застанет его на месте преступления. Ведь тогда ему пришлось бы не только столкнуться с его полным разочарования взглядом, но и беспомощно наблюдать, как тот принимает на себя все последствия и даже наказание, предназначенное ему.

Хотя...

Именно он был виновником, тем, кто должен был извиняться и нести наказание.

— Отпусти меня! Мартин, встань! Не смей стоять на коленях! — отчаянно закричала Бобби, извиваясь в хватке Мала.

— Ц, — Рэйки бросил взгляд на Мартина, затем достал из своей сумки флакон с питательным зельем и бросил ему.

— На, выпей.

Он сделал вид, что ему всё равно, отвернулся, скрестил руки на груди и неловко буркнул:

— Не хватало ещё, чтобы ты тут сдох с голоду. Мне неохота хоронить бродяг.

— Ах... господин, я не это имел в виду...

Мартин, держа в руках стеклянный флакон с питательным зельем, вдруг понял, что его слова прозвучали как попрошайничество. Он густо покраснел от стыда.

Он осторожно протянул флакон обратно.

— Спасибо за вашу доброту, но я не могу это принять! — его голос был взволнованным и испуганным.

— Как же ты меня достал! — нетерпеливо отмахнулся Рэйки. — Сказал пить — пей, хватит тут расшаркиваться.

— Мартин, не пей! — закричала Бобби, её оранжево-красные глаза расширились от ужаса. Она с подозрением посмотрела на Рэйки. — Он злой, вдруг там яд, он хочет тебя отравить!

Затем она понизила голос и прошептала:

— Хотя... бутылочка выглядит дорогой. Вылей содержимое, а её оставь.

...Ну и нищенка!

Рэйки невольно усмехнулся и закатил глаза.

— Детишки, я могу вас одним шлепком прибить, зачем мне яд?

Он скрестил руки на груди и презрительно хмыкнул.

— Вы хоть знаете, сколько стоит яд?

С этими словами он достал из сумки хлеб, отломил кусок, откусил сам, а затем протянул остальное Мартину.

— Боишься яда — съешь это.

Мартин уставился на хлеб и сглотнул.

Трюфельный хлеб.

Он видел такой в пекарне в Городе Рассвета, когда подрабатывал там. Это было роскошное лакомство, которое поставляли в «Изумрудный павильон», и позволить его себе могли только знатные господа и дамы.

— Это... это слишком дорого... — он подавил своё желание и изо всех сил замотал головой.

К сожалению, его желудок предательски заурчал.

Рэйки посмотрел на него и вздохнул.

Этот ребёнок и впрямь был точной копией Мальбаша.

Честь, этикет, мораль... он никогда не примет подачки, даже если будет умирать с голоду.

Таких людей он никогда не понимал.

Рэйки подошёл, выхватил у Мартина флакон с зельем и грубо сунул ему в рот трюфельный хлеб.

— Как же ты меня достал, ешь давай! — рявкнул он.

Нужно ли так усложнять, чтобы накормить ребёнка?

— Ммф! — Мартин, застигнутый врасплох, инстинктивно схватился за хлеб и, поддавшись голоду, начал жадно его поглощать.

— Эй, вот так-то лучше, — удовлетворённо кивнул Рэйки, уперев руки в бока.

Видя, как тот торопливо ест, он достал из сумки флягу с красным вином.

— Ешь медленнее, запей.

Мал тут же остановил его.

— Рэйки, он ещё ребёнок, ему нельзя вино!

Рэйки закатил глаза.

— Да что такого? Это же просто вино, я его вместо воды пью!

— Нет, детям нельзя пить! — возразил Мал.

— И тебе тоже не следует так пить, — добавил он, бросив на Рэйки неодобрительный взгляд. — Алкоголь вредит здоровью и мешает делу, это плохо.

— Пф... — недовольно фыркнул Рэйки, но спорить не стал. Он убрал вино и достал флягу с молоком. — На, молоко.

Затем он бросил на Мала гневный взгляд и пробормотал себе под нос:

— Вечно у тебя какие-то правила, ворчишь, как старик, скукота...

Мартин, словно голодный щенок, с влажными глазами доел хлеб, залпом выпил всё молоко и икнул.

— Спасибо, господин! — насытившись, Мартин заметно повеселел. Он протянул пустую флягу и с благодарностью поклонился Рэйки.

Гнев Рэйки был сильным, но быстро проходил.

Видя жалкого, но вежливого и послушного ребёнка, его злость на Бобби почти улетучилась. Он махнул рукой Малу, чтобы тот отпустил её.

Мал с улыбкой разжал пальцы, и Бобби снова шлёпнулась на землю.

— Ай! — Бобби потёрла ушибленное место и бросила на Мала гневный взгляд, но на этот раз промолчала и тут же подбежала к Мартину.

— Мартин! Ты в порядке? — она поспешно помогла ему подняться, её лицо было полно беспокойства.

Мартин кивнул и, посмотрев на Рэйки, мягко улыбнулся.

— Я в порядке, спасибо господину Рэйки за хлеб и молоко!

Услышав имя Рэйки, лицо Бобби помрачнело.

— Он? Хм... — презрительно фыркнула она.

В следующую секунду она резко толкнула Мартина и злобно прошипела:

— И ты так просто продался? Кусок хлеба и фляга молока — и ты уже ему зад лижешь?

Рэйки закрыл лицо руками, под ладонями его глаза выражали чувство вины.

Проклятье, почему ход мыслей этой девчонки точь-в-точь как у него в детстве!

Он и сам не раз упрекал Мальбаша в том же, когда тот извинялся за его проступки.

И обычно после таких слов он добавлял ещё одну фразу...

— Бесхребетный!

И действительно, Бобби яростно крикнула, её голос был резким и злым, но в глазах предательски заблестели слёзы.

Мартин опустил голову, на его лице отразилась обида.

— Но... он ведь и вправду добрый, — тихо сказал он. — В такое время, когда все бегут и ничего с собой не взяли, господин Рэйки поделился со мной едой, да ещё такой дорогой, как трюфельный хлеб и молоко... Мы должны быть ему благодарны!

— А ты, Бобби, что ты сделала, что так разозлила этих господ?

Услышав это, Рэйки почувствовал ещё большую вину.

...Добрый?

Он прожил несколько сотен лет, и впервые кто-то назвал его добрым.

— Заткнись! — Бобби топнула ногой от злости и, выхватив из-за пазухи хлеб и сыр, которые ей дал Мал, с покрасневшими глазами закричала: — А я?! Ты съел хлеб и даже не оставил мне ни кусочка! А я всё, что нашла, сберегла для тебя, сама не съев ни крошки!

— У тебя плохое зрение, ты ночью ничего не видишь. Я боялась, что тебя обидят, поэтому, несмотря на голод, искала еду... Ты голоден, ты так долго бежал, но я тоже голодна! Я голоднее тебя!

Чем больше она говорила, тем больше обида захлёстывала её. Наконец, слёзы хлынули из глаз, и она разрыдалась.

— А ты... ты на чужой стороне! Тебе на меня наплевать, ты не за меня! У-у-у...

— Если бы не твои глаза, я бы стала воровать? А ты, неблагодарный! Если бы не я, ты бы давно умер!

Бобби кричала, её голос срывался, слёзы катились градом.

В следующую секунду она с силой швырнула хлеб и сыр в лицо Мартину и, с покрасневшими глазами, прорычала:

— Я тебя ненавижу!

Мартин, казалось, уже привык к её упрёкам. Он молча слушал, на его лице отразились беспомощность и вина. Но когда он услышал слово «воровать», он резко изменился в лице и поднял голову.

— Бобби, ты опять воровала?!

— Я же говорил тебе больше не воровать! — он взволнованно замахал руками. — Мы уже выросли. Я немного умею читать, могу помогать писцу, он даже обещал дать мне очки...

Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, и серьёзно посмотрел на Бобби.

— Я могу работать, я больше не твоя обуза. Тебе тоже пора найти нормальную работу! Воровство — это плохо, Мессьер накажет тебя за это!

— ...Что ты сказал?

Бобби не ожидала, что он станет возражать. Она перестала плакать и даже икнула от неожиданности.

— Ты... ты так со мной разговариваешь?! — её голос дрожал от гнева и обиды. Оранжево-красные глаза расширились, слёзы стояли в них, но не падали.

Она схватила Мартина за воротник и замахнулась кулаком.

— Ты думаешь, почему я это делаю? Всё ради тебя!

Воздух в лагере застыл.

***

<http://bllate.org/book/15880/1586229>